

— Как раз наоборот. В последние годы независимость и самостоятельность судей сильно выросла. Раньше как было: «Советский суд — самый гуманный суд в мире», то есть прокурор просит 10 лет, суд определяет девять. Сейчас, бывает, мы просим условное наказание, суд назначает реальное.

Далеко не надо ходить за примером: дело «Хромой лошади». Мы говорим, что определённые фигуранты дела сотрудничали со следствием и должны отличаться от тех, кто до последнего упирался, что он не виновен. Мы попросили назначить им условное наказание или небольшой срок лишения свободы, а суд, как говорится, на полную катушку — всем.

Хотя, конечно, бывает и наоборот.

? Для любого ведомства в России вечно актуальна тема борьбы с коррупцией в собственных рядах. В системе МВД есть управление собственной безопасности, а как решаются эти вопросы в прокуратуре?

— У меня есть помощник по собственной безопасности — это есть человек, который ведёт антикоррупционную деятельность вместе с отделом кадров. Как и все, мы сдаём декларации о доходах. Декларации руководителей отправляются Генеральному прокурору, там их рассматривают под такими увеличительными стёклами и проверяют все нестыковки, что очень рискованно какие-то «шашни» заводить.

Но, к сожалению, и у нас бывают ситуации, когда наши сотрудники совершают административные правонарушения или другие проступки. В 2013 году девять работников прокуратуры были привлечены к административной ответственности, восемь — к дисциплинарной, четверо депремированы, трое уволены. За «мою» пятилетку двое были пойманы с поличным при попытке получить взятку и привлечены к уголовной ответственности. С одной стороны, это всего два человека, но всё равно это пятно, которое неприятно ощущать.

? Насколько вообще честь мундира, работа об имидже представителя государственной власти сегодня является мотивацией для молодых сотрудников?

— Моё поколение пришло служить в непростые времена, в 1990-е годы. Мы

Из архива Александра Бельых

все, в общем-то, шли работать за идею. Помню 1997 год — я тогда работал в Нытве, жена была в декретном отпуске с двухмесячным ребёнком. Мы реально расписывали каждую копейку, и даже этих копеек не хватало. Родители картошку нам привозили, чтобы мы протянули до зарплаты. Но мы работали.

Сейчас всё по-другому. Тогда мне сказали: едешь в Нытву. И я поехал, хотя у меня двухмесячный ребёнок, и я вообще слабо представлял, где эта Нытва находится, потому что родился и вырос на Комсомольском проспекте. Сейчас сложно бывает человека в Кировский район сагитировать, не то что в другой город. У одного ипотека, у другого дети. Первый вопрос на собеседовании — о зарплате. В последние два-три года при приёме на работу у нас проводится психологическое тестирование. Часто общаюсь с нашим психологом, и он подтверждает: да, возможность прийти из университета и сразу получать стабильно тысячу «баксов» — важная мотивация...

Хотя, конечно, есть разные ребята: умные, схватывающие на лету, готовые ехать и в Красновишерск, и в Гайны, и в Ныроб, потому что они сознательно выбрали этот путь, эту профессию. Таких много, на них и держимся.

? Ещё один заметный тренд последних лет — курс на открытость. Как налажен диалог с гражданами? Насколько популярен, например, ваш сайт?

— Наш сайт в интернете работает давно, с 2007 года. Действует электронная приёмная. В 2010 году в неё поступило 400 обращений, в 2012-м — 1500, а сейчас — почти 3000. На сайте постоянно растёт количество посетителей: в 2010 году — 4000 посетителей, а за 10 месяцев 2013 года — уже 131 тыс.

Работает несколько телефонов доверия. По всем звонкам реагируем, также просматриваем СМИ — ежедневно мой помощник докладывает о тех или иных заслуживающих внимания сообщениях. Реагируем и на все запросы, которые поступают к нам на сайт. Ещё не было ни одной жалобы вроде «мы вам писали, а вы нам не ответили».

? Легко ли попасть на личный приём к прокурору?

— Приёмный день у меня по понедельникам. Приезжают люди из разных районов Пермского края. Но надо понимать, что я принимаю уже после того, как принял прокурор района и начальник подразделения аппарата. Весь объём желающих принять физически невозможно: из 57 тыс. жалоб каждый год, на личный приём — порядка 17 тыс. обращений.

Сам я принимаю примерно 200 человек в год. Приём ведут и все четыре моих заместителя, то есть принимаем всю неделю. Также у меня есть старший помощник по работе с гражданами. К нему обращаются все, а он распределяет: кого на личный приём, кого на уровень ниже и так далее. Бывает, люди просто почте не доверяют или им нужно, чтобы на втором экземпляре заявления кто-то расписался, что получил. Пожилые люди приходят, просят прямо здесь за них написать заявление, хотя некоторые ещё не были на приёме у районного прокурора.